

Хроника оплавленной жизни «Чернобыль. 25 лет спустя» Сергея Шестакова в МДФ

На фотографиях Сергея Шестакова Чернобыль показан без пафоса и эстетства

Сергей Хачатуров
s.khachaturov@mn.ru

Экспозиция, посвященная памяти событий 26 апреля 1986 года на Чернобыльской атомной электростанции, убеждает поистине стоическим и смиренным отношением к вопросам бытия. В ней нет расчета на удар наотмашь по незащищенным культурой болевым точкам восприятия страдания, горя и смерти. Нет и плакатной легковесности «общих мест» темы «уроки катастроф».

Фотографии приехавшего 25 лет спустя на место трагедии на АЭС Сергея Шестакова вкпе с документальными материалами (снимки участников ликвидации, спасателей и медперсонала, а также фильмы, созданные о жизни Чернобыльского района незадолго после трагедии) задают перспективы темы «сопротивление небытию в рабочем порядке». Именно так. В рабо-

Показывают нам первые часы после взрыва на атомном реакторе. Чиновники тупые и трусливые. Люди обыкновенные, живут, ни о чем не подозревая (или подсознательно подозревая). Много сочинено против естественного порядка вещей (например, один герой умудрился аж в жерло горящего реактора заглянуть и потом еще по улице бегать). Что ж, мы понимаем, что это кино. И метафора, и гипербола. Как же не солидаризироваться с адвокатами фильма — режиссером Учителем и исполнителем главной роли (отличным, надо отдать должное) Шагиным, что фильм о любви великой, а чернобыльские реалии это так, фон (радиационный)? Тихие аргументы присутствующих в зале спасателей, ликвидаторов о том, что повышенный уровень сказочности происходящего на экране, включая угарные пляски в ресторане, равно как и экзальтированное поведение всех и каждого, не самый тонкий способ разобраться с проклятыми

Выставка проходит в Мульти-медиа-артмузее (ул. Остоженка, 16) до 29 мая

не по законам искусства имеют право разобратся с экзистенциальными проблемами героического поведения антигероического персонажа на примере условной катастрофы позднесоветского времени. А тем, кто там был в 86-м году и немного позже, просто невозможно понять, как из этого обожженного материала допустимо делать условную романтическую историю.

Экспозиция в МДФ на Остоженке показывает трудовые будни сопротивления ползущей, как плесень, энтропии. Никакого героизма. Фильмы о тушении пожара на реакторе, эвакуации жителей, госпитализации пострадавших ликвидаторов пронзительны именно потому, что сделаны в традиции научно-популярного кино советских лет (а еще потому, что половина имен создателей фильмов обведена черной рамочкой). Факты, сухие комментарии и будничная картинка. Фотографии Сергея Шестакова чужды неуклюжего и бестактного эстетства. В упор, пристально смотрим на фиксационные практически снимки улиц, площадей. На бытовую обстановку квартир с забытыми полуистлевшими книгами (одна из них — Зои Воскресенской «Поездка в будущее» о жизни Ильича — дала название выставке), на интерьеры школ и больниц с поломанным оборудованием и документами (на развороте одного медицинского журнала имена женщин и диагноз: «беременная»). Много разводов плесени, жухлые цветы, ржавчина. Кстати, вспомнились слова Свидригайлова из «Преступления...»: «Нам вот все представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность».

Герои сопротивления этой копоти тоже смотрят на нас. Наподобие стенгазеты размещены очень прозаические портреты людей в белых халатах и сделанные как стендовые

Помню, когда смотрел обсуждение фильма Александра Миндадзе «В субботу» в программе Александра Гордона «Закрытый показ», был совершенно солидарен с защитниками фильма и возмущен аргументами его противников. Ну как же.

сти, действия не возымели. О чем вы? Мы же искусство художественное смотрим. А не документальную хронику. После выставки Шестакова я понял, что обе группы «за» и «против» просто не смогут понять друг друга. Те, кто там не был, впол-

физкультурных занятий для реабилитации зараженных лучевой болезнью. Фон экспозиции — симфония для органа Quo vadis? Микаэла Таривердиева, звуки которой жутковато ассоциируются с шелестом и гулом ставшего слышным атома. ■